

Ксения Нюхина

Наследство

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ксения Нюхина

Наследство

«Автор»

2026

Нюхина К.

Наследство / К. Нюхина — «Автор», 2026

Она — лучший юрист по наследственным делам. Он — владелец отельной империи, которому дед оставил наследство с одним условием: жениться в течение месяца. Иначе всё перейдёт к дяде, который, возможно, убил деда. Ева соглашается на фиктивный брак. Ей нужны деньги, чтобы начать новую жизнь. Андрею нужен союзник, который умеет читать между строк и видеть там, где другие закрывают глаза. Но у Евы есть тайна, о которой не знает никто в её новой жизни. Три года назад она была другой — быстрее, свободнее, на грани. Она была гонимой, и её подставили так же, как сейчас подставляют Андрея. Теперь им предстоит вместе распутать клубок лжи, столкнуться с прошлым и понять: иногда самый опасный поворот — не на трассе, а в собственном сердце. «Наследство» — это роман о сильной женщине, которая скрывает свои крылья, о мужчине, который не привык проигрывать, и о расследовании, где на кону не только состояние, но и жизнь.

© Нюхина К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9

Ксения Нюхина

Наследство

Глава 1

Понедельник, 9:47 утра. Юридическая фирма «ПраймКонсалт», бизнес-центр «Олимп», 14-й этаж.

Кресло под ней скрипело — мерзкий, металлический звук, который Ева Львовна терпела уже полгода. Отдел кадров обещал новое «в следующем квартале», но в следующем квартале был только бесконечный дождь за окном и бесконечный поток клиентов, считающих, что договор можно переписать просто потому, что им так хочется.

Напротив неё сидел Игорь Владимирович — лысеющий, с золотым перстнем на мизинце, — и сжимал в пухлых пальцах договор, будто это было горло должника.

— Я требую, чтобы вы нашли лазейку, — рявкнул он, ткнув в пункт 14.2. — Эти проценты — грабёж среди бела дня!

Ева не повысила голоса. Она опустила взгляд на бумагу, где жирным шрифтом было выбито: «Право на роялти сохраняется за правообладателем в течение пяти лет после расторжения договора». Подняла глаза — спокойно, без тени осуждения.

— Игорь Владимирович, я понимаю ваше возмущение. Но этот пункт подписан вами собственноручно. В суде он имеет силу. Лазейки нет. Единственный способ — пересмотреть условия добровольно с правообладателем.

— Так я и знал! — толстяк заходил по кабинету, его голос эхом отражался от стен. — Вы все одинаковые — отписки, отписки!

— Это не отписка, — Ева сложила руки на столе, глядя ему прямо в глаза. — Это моё профессиональное мнение. Если хотите, я составлю новый проект, который будет для вас выгоднее. Но старый вы не оспорите. У вас нет оснований.

Он открыл рот, но помощник дёрнул его за пиджак и что-то шепнул. Возмущённое бормотание стихло, и через десять минут они исчезли, оставив на столе две чашки остывшего кофе и плотный запах дорогого одеколона.

Ева откинулась на спинку. Её пальцы на мгновение сжались в кулак. Она разжала ладонь и открыла почту. Восемь новых писем. Два от начальника, три от коллег, одно от Ольги с мемом про судью-кота, и ещё одно — от неизвестного отправителя с темой: «Консультация по наследственному делу».

Она открыла — и прочитала короткое письмо. Вежливое, сухое, от Андрея Николаевича из гостиничной сети «Риверсайд». Рекомендовали именно её. Встреча, конфиденциально, на нейтральной территории.

Ева подняла бровь. Обычно так пишут, когда речь идёт о внебрачных наследниках или разводах с многомиллионными состояниями. Она быстро набрала ответ: завтра в 11 утра, готова, пришлите документы. Отправила — и через минуту пришёл ответ: *«Буду, договорилась»*.

Она закрыла ноутбук и повернулась к окну. За толстым стеклом моросил московский дождь, размывая очертания высоток. На мокром асфальте внизу, на перекрёстке, она машинально вычислила оптимальную траекторию поворота — левый вираж, вход на скорости, газ в пол, без тормозов. Она сделала это за секунду, привычно, не задумываясь. А потом усмехнулась.

В дверь постучала Ольга:

— Ева Львовна, там курьер. Очень срочно. Сказал, что лично в руки.

Парень в синей униформе протянул жёлтый конверт с её именем, написанным шариковой ручкой — без обратного адреса, без марки. Она расписалась, закрыла дверь и вскрыла.

Внутри был один лист, распечатанный на лазерном принтере, без подписи.

«Ева Львовна. Не беритесь за дело Андрея Николаевича. Это опаснее, чем кажется.»

Ева перечитала записку. Потом сложила, убрала во внутренний карман. Посмотрела на окно. Дождь. Завтра в одиннадцать

Глава 2

Вторник, 10:57. Бизнес-центр «Навигатор», 7-й этаж.

Ева вошла за три минуты до встречи. Привычка осталась с тех времён, когда три минуты решали всё: успеешь оценить трассу — выиграешь, не успеешь — улетишь в отбойник. Она осмотрелась. Стекланные стены, тёмное дерево стола, камера в углу. Красный глазок смотрел открыто, не мигая. Наблюдение не скрывают. Либо им нечего прятать, либо они хотят, чтобы я знала: я под контролем.

Она села спиной к окну. Достала папку, ручку. Ни диктофона, ни ноутбука — только чистые листы и привычка записывать руками. Так она думала медленнее, но точнее.

Ровно в 11:00 дверь открылась.

Андрей вошёл без стука. Тёмно-синий костюм, рубашка без галстука, часы стоимостью с её машину. Глаза — серые, холодные — прошлись по ней быстро, цепко. Он кивнул и сел напротив. Не извинился за опоздание — его не было. Не улыбнулся. Просто смотрел.

— Спасибо, что пришли.

— Вы назначили встречу, — Ева пожала плечами. — Я пришла. Говорите.

Он чуть наклонил голову.

«Оценивает. Хорошо. Пусть оценивает.»

— Мой дед, Николай Андреевич, был инженером-конструктором, — начал он ровно. — В девяностых создал двигатель, который опережал время. После его смерти чертежи исчезли. Завещание ставит условие: я должен жениться в течение месяца. Иначе всё уходит дяде.

Ева не перебивала. Смотрела на его руки. Правая сжалась в кулак на слове «дядя» — коротко, произвольно. Злость. Настоящая. Не играет.

— И вы ищете жену, — сказала она. — Или юриста, который оспорит условие?

— И то, и другое. — Он позволил себе тень улыбки. Глаза остались колючими. — Вы специалист по наследственному праву. Вас рекомендуют. Я проверил досье.

Ева почувствовала холодок под рёбрами. Проверил. Конечно. Она сама проверяла бы любого на его месте. Но одно дело — знать, другое — слышать вслух. В её прошлом была тень, о которой не знал никто. Авария. Чужое имя. Три года тишины, которые она выстроила кирпич за кирпичом.

— Досье чистое, — сказала она ровно.

— Абсолютно, — согласился он. — Но мне нужен не чистый юрист. Мне нужен тот, кто читает между строк. Вы умеете.

— Почему вы так решили?

— Потому что вы вошли и первым делом посмотрели на камеру. И сели спиной к окну. Люди, которые не привыкли думать, так не делают.

Ева не отвела взгляда. Один — ноль в его пользу. Но игра только началась.

— Чего вы хотите от меня конкретно?

— Фиктивный брак на год. Вы — мой юрист и союзник в расследовании. Полный доступ к архиву деда. Я плачу.

— Условия, — сказала Ева.

— Слушаю.

— Я не живу с вами. Приезжаю на мероприятия, которые сочтёте нужными. Моя квартира остаётся моей.

— Разумно.

— Доступ ко всем документам. Без купюр.

— Согласен.

— Если дело станет опасным — я выхожу. В любой момент. Без штрафов.

Андрей помолчал. Глаза сузились. Он взвешивает. Не злится — считает. Хорошо. Значит, не идиот.

— Если вы выйдете, я потеряю всё, — сказал он наконец.

— Понимаю, — сказала она. — Но я не подписываю контракты, которые не могу разорвать. Это не обсуждается.

Он смотрел на неё дольше, чем требовал этикет. Ева не мигала. Внутри неё боролись два голоса. Юрист говорил: Это опасно. Ты не знаешь, во что ввязываешься. У тебя есть карьера, репутация, тихая жизнь. Гонщица отвечала: Тихая жизнь — это синоним медленной смерти. Ты три года пряталась. Хватит.

— Договорились, — сказал он и протянул руку.

Она пожалала. Ладонь тёплая, жёсткая. Мозоли на основаниях пальцев — отчётливые, старые, не от ручки и не от клавиатуры.

«Откуда у владельца отелей мозоли? Он что, сам собирает двигатели? Или — мысль кольнула острее — он не только говорит про чертежи, но и сам в них разбирается?»

Ева убрала руку и спрятала её под стол. Пальцы чуть дрожали. Не от страха — от адреналина. Гонщица внутри неё ухмыльнулась: *«Давно не было скорости.»*

— Тогда рассказывайте, — сказала она, открывая папку. — Про дядю. Про деда. Всё, что знаете. Мне нужно понять правила игры.

Андрей усмехнулся — коротко, без тепла.

— Вы уже играете.

— Я всегда делаю первый ход, — ответила Ева, не поднимая глаз от ручки. — Иначе не выигрываю.

Он откинулся на спинку. Во взгляде мелькнуло уважение — и что-то ещё, более тёмное. Интерес. Не мужской — профессиональный. Он нашёл то, что искал.

— Хорошо. Начну с того, как дед умер.

Он произнёс это буднично. Слишком буднично. Ева подняла на него глаза и увидела: под маской холода что-то шевельнулось. Боль. Старая, закопанная глубоко.

— Его нашли в гараже, — продолжил Андрей. — За рулём собственного болида. Официально — сердечный приступ. Но дед был здоров как бык. И за день до смерти он позвонил мне и сказал одну фразу: *«Андрей, если со мной что-то случится — ищи не там, где все ищут».*

Ева замерла. Ручка застыла над бумагой.

— Что это значит? — Я не знаю, — сказал он. — Три года не знаю. Но я найду ответ. С вами или без вас.

В его голосе не было мольбы. Только констатация. Он не просит. Он предупреждает.

Ева опустила взгляд на чистый лист. Мысли метались. Это не рядовое наследственное дело. Это убийство. Возможно, серийное — если дядя пойдёт на всё. Возможно, опасное. И возможно — именно то, чего она избегала три года. Но с другой стороны... дед оставил послание. Как гонщик оставляет метку на трассе для того, кто поедет следом. Она не могла это проигнорировать.

— Я в деле, — сказала она тихо.

Андрей кивнул. Не улыбнулся. Но что-то в его плечах чуть расслабилось — на миллиметр.

— Тогда слушайте внимательно. Я расскажу всё. И даже больше.

За окном моросил дождь. Ева перестала его замечать. Внутри разгорался холодный огонь — тот самый, что она чувствовала перед стартом. Только теперь трасса была здесь. И этот мужчина — единственный, кто ехал рядом. Пока рядом.

Глава 3

Вторник, 14:20. Переговорная бизнес-центра «Навигатор».

Андрей говорил ровно, без эмоций — как человек, который много раз повторял эту историю в голове, но ни разу не произносил вслух. Ева слушала, не перебивая, и записывала. Рука двигалась по бумаге быстро, почти автоматически, но мозг работал в другом режиме. Она не просто фиксировала факты. Она искала несоответствия.

— Дед умер в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое сентября двадцать третьего года. Ему было семьдесят четыре. Официально — острая сердечная недостаточность. Нашли в гараже, в собственном доме в Подмоскowie. Он сидел за рулём болида, который сам собрал за год до смерти. Мотор заглушен. Дверь гаража открыта. Ни следов борьбы, ни отпечатков.

— Кто нашёл тело? — спросила Ева, не поднимая глаз.

— Шофёр. Приезжал каждое утро в семь. В то утро дверь гаража была приоткрыта, свет горел. Врач приехал через двадцать минут. Полиция — через час.

— Заключение судмедэксперта?

Андрей достал папку и положил на стол. Ева открыла. Копия, ещё не успевшая пожелтеть, с печатями. Пробежала глазами. Сердце. Без внешних повреждений. Без следов насилия. Без токсинов.

— Идеальное убийство, — сказала она тихо.

— Если это было убийство.

— Это было убийство.

— Откуда вы знаете?

Он помолчал.

— За месяц до смерти дед прошёл полное обследование в клинике в Германии. Сердце — как у тридцатилетнего. Врачи сказали: ещё двадцать лет проживёт. Он сам мне рассказывал по телефону. Смеялся. Говорил, что переживёт меня.

Ева записала. Обследование. Значит, есть документы. Значит, можно проверить.

— Копия обследования у вас?

— Дома.

— Вскрытие было?

— Было. Проводил врач, который через год купил квартиру в центре Москвы. Я проверял. А потом он исчез. Бросил практику, продал квартиру. Ни одного контакта с бывшими коллегами после двадцать четвёртого года. Просто испарился.

Ева подняла на него глаза.

— Удобно.

— Слишком, — согласился Андрей. Она откинулась на спинку. В голове выстраивалась схема.

«Кто-то из своих. Или тот, кто хорошо знал дом. Дед кому-то доверял. И этот кто-то его убил.»

— Кто был в доме в ту ночь?

— Никого. Дед жил один. Бабушка умерла пять лет назад. Прислуга уходила в восемь. Охрана — по периметру, в дом не заходили.

Ева записала. Потом подняла глаза.

— Дед вёл себя по-другому перед смертью? Менял что-то в привычках, в окружении? Андрей чуть наклонил голову — как будто вопрос застал его врасплох. Но ответил сразу.

— Да. За последний год он менялся. Раздавал вещи. Продавал старый мотоцикл — кому-то, кто понимал в технике. Говорил: «Пусть ездит, мне уже ни к чему».

Ручка замерла на мгновение — и снова двинулась. Ева не знала, почему задержалась. Просто что-то зацепило. Мимоходом, как нитка за пуговицу. Она перевернула лист и продолжила.

— А дядя?

Андрей чуть сжал челюсть.

— В Москве. Алиби: приём в посольстве, потом ресторан с партнёрами. Двадцать свидетелей.

— Слишком много свидетелей, — заметила Ева.

Андрей посмотрел на неё внимательно.

— Вы думаете, он подстроил?

— Я думаю, что если человек знает, что его будут подозревать, он создаёт алиби. А если создаёт слишком тщательно — значит, готовился.

Андрей медленно кивнул.

Ева глянула на часы. Почти три.

— Что было дальше? — спросила она.

— Через неделю дядя предъявил завешание. Оказалось, дед оставил два варианта. Первый — для меня. Второй — для дяди. Если я не выполню условие, всё переходит к нему. Дядя настаивал, что дед был недееспособен на момент подписания, требовал признать завешание недействительным. Суд длился два года. Я выиграл. Но с условием — жениться.

— Почему именно жениться? — Ева нахмурилась. — Если дед хотел передать бизнес вам, зачем такое препятствие?

Андрей усмехнулся. Горько.

— Я думал об этом три года. Дед знал, что я одинок. Знал, что привык всё решать сам. Он хотел, чтобы я нашёл не просто жену, а партнёра. Человека, которому смогу доверять. Потому что без доверия я не разберусь в том, что он оставил.

— Что он оставил?

— Не знаю. Но что-то. И это связано с чертежами. И с его смертью.

Ева записала последнюю фразу и отложила ручку.

— Хорошо. У вас есть копия завешания?

— Есть.

— Обследование из Германии?

— Есть.

— Дневники деда? Письма? Записи?

Андрей помолчал.

— Есть кое-что. Но не у меня.

— Где?

— В гараже деда. В Подмоскowie. Дом закрыт, но ключи у меня. Я не мог туда войти.

Он замолчал. Ева поняла. Боль. Он не мог войти в место, где умер его дед. И поэтому три года топтался на месте.

— Нам нужно туда поехать, — сказала она.

Андрей посмотрел на неё. Долго.

— Вы уверены?

— Я не уверена ни в чём. Но если вы будете сидеть в этом офисе и перебирать копии, вы ничего не найдёте. Ответы всегда там, где всё началось.

Он молчал. Ева видела, как в нём борется что-то. Страх. Или вина. Или просто усталость.

— Хорошо. Завтра. В десять. Я заеду за вами.

— Нет. Я заеду сама. Скиньте адрес.

Он чуть приподнял бровь.

— У вас есть машина?

— У меня есть всё, что нужно, — ответила она ровно.

Он не стал спорить. Кивнул и начал собирать бумаги.

— Андрей Николаевич, — сказала она, когда он поднялся.

Он обернулся.

— Почему вы выбрали именно меня? На рынке есть юристы с большим опытом. С большим именем. Почему я?

Он смотрел на неё секунду. Две.

— Когда я читал ваше досье, я увидел одну странность. Вы ушли из предыдущей фирмы два года назад. Без скандала, без объяснений. Просто написали заявление и исчезли на полгода. Никто не знает, где вы были. Никто не знает, чем занимались.

Ева почувствовала, как внутри всё сжалось.

— И что?

— Человек, который так умеет исчезать, умеет и появляться. Когда нужно. Я подумал: этот человек не боится уходить. А значит, не боится и рисковать.

Он не улыбнулся. Просто смотрел.

— До завтра, Ева Львовна.

Он вышел. Дверь закрылась бесшумно. Ева осталась одна. Посмотрела на записи. Листы исписаны ровным почерком — факты, даты, имена.

«Он знает, что я исчезала. Но не знает почему. Пока.»---Дома она не стала включать свет. Спустилась в паркинг, открыла бокс. «Хонда» стояла на центральной стойке — без обтекателя, с разобранным карбюратором на верстаке. Ева взяла головку на десять, легла под мотоцикл и начала откручивать гайку крепления коллектора. Резьба шла туго, японская, упрямая. Хорошо. Когда руки заняты, голова отключается. А ей нужно было отключиться — хотя бы на час.

Гайка поддалась. Ева выкрутила её, положила на верстак и легла, глядя вверх, в днище мотоцикла. Трубы, рама, разводка проводов — всё знакомое, родное, как линии на собственной ладони. Три года она собирала эту машину по вечерам. Медленно, без спешки. Не потому, что не могла быстрее — потому что так было спокойнее.

«Продал старый мотоцикл — кому-то, кто понимал в технике. Мысль прошла мимо. Ева не стала её ловить.»

Она взяла новую гайку и начала закручивать. Резьба шла туго. Японская, упрямая.

«Он знает, что я исчезала. Но не знает почему. Пока.»